

М и л а   Б о р н

ДВА РАССКАЗА

МУСОРНЫЙ ВЕТЕР

От Киевского вокзала сразу поехал по адресу. Отмахал полови-ну кольцевой, вышел из метро где-то в районе старых московских улиц, сверился с бумажкой. Помнил, помнил он еще этот город, но совсем уже плохо. Все-таки сколько лет прошло. На третьем перекрестке запутался, стал вылавливать из пустоты полуденной улицы прохожих. Остановился мальчик, рукой показал, что нужно идти прямо, потом дважды завернуть, и нужный адрес отыщется.

Так он и сделал. Адресом оказался старый, с двумя каштанами, двор, закрытый со всех четырех сторон. В него, как в муравейник, вела огромная, на два этажа арка, перегороженная металлическим забором, сваренным кустарно. Чтобы его преодолеть, надо было нажать на кнопку. Он нажал. Почти сразу ответил молодой женский голос. Он, прокашлявшись, крикнул в решетчатый динамик:

— Я от Вити.

Повисла неловкая пауза.

— От кого?

Он повторил. Голос, помешкав, ответил:

— Ладно. Заходите.

Металлическая дверь щелкнула, открылась. Он вошел. Следом прошмыгнул какой-то сухонький дед с соломенной сумкой, из которой выглядывала голова капустного кочана. Посторонившись, он пропустил деда. Потом и сам пошел к единственному подъезду.

Квартира была на пятом этаже. Обогнув по спирали старый фанерный лифт, он остановился возле мокрого коврика и позвонил в дверь. Послышались легкие, шуршащие по полу шаги. Ключ заерзал в замке. И в дверном проеме показалась хрупкая, невысокого роста девушка — с прямой, как у школьницы, челкой, в коротком и легкомысленном шелковом халате. На груди шелк вызывающе топорщился двумя острыми клювами. Он смутился.

— Простите...

Протянул, как доказательство, бумажку с записанным адресом.
— Вера — это вы? Тут все правильно?

Она с удивлением посмотрела на бумажку, потом на него и осторожно кивнула. Загородившись, скрестила руки на груди.

— Так вы, правда, от него?

— Правда.

Она переступила с ноги на ногу. Беспомощно повертела головой. Прислушалась к звукам в подъезде. Заговорила быстро и нервно:

— Ну и как?

— Что — как?

— Как он там вообще?

В ответ он пожал плечами. Тоже оглянулся, осмотрел лестничную площадку. Вроде никого не было.

— А можно я к вам зайду?

Она секунду помедлила. Бросила на него недоверчивый взгляд, но тут же спохватилась:

— Зайдите. Чего уж.

И отступила вбок, словно сдавая какие-то невидимые позиции.

Он шагнул в квартиру, прикрыл за собой дверь. В темноте прихочей снял с плеча надоевший рюкзак, стал его расстегивать. Вера, не расцепляя рук на груди, с подозрением следила за ним. Он присел на корточки, вывалил из рюкзака и стал складывать на пол какую-то одежду, термос, небрежно скомканный дождевик и, наконец, небольшую, размером с ладонь, сильно потертую коробку — то ли контейнер для еды, то ли какой-то медицинский бикс для стерилизации шприцов. На мгновение задержал в руках, а потом решительно протянул Вере.

Она стрельнула глазами из-под прямой челки, коротко улыбнулась и с любопытством вытянула вперед свою голую шею.

— От него?

— Да, — сказал он, не сводя с нее взгляда.

Она протянула руку и взяла коробку. Слегка потрясла. Снова уставилась вопросительно на гостя. Он поднялся и, как будто припоминая что-то важное, похлопал себя по нагрудным карманам, вытащил вдвое сложенный запечатанный конверт. Она опять улыбнулась.

— Тоже мне?

— Вам.

Взяла конверт. Замешкалась: вскрыть сейчас или потом. Он ее понял.

— Да вы потом можете прочитать.

Она затараторила снова:

— Так вы скажете? Ну хотя бы в общем. Как он там? Все ведь у него хорошо?

Он кивнул на письмо.

— Да там все написано.

Она пожала плечами, не понимая, почему не клеится разговор.

— Ну, пожалуй, все, — шумно выдохнул он. — Я свое дело сделал.

— Дело?

Она напряглась, поднялась на цыпочки, как будто собираясь что-то еще ему сказать. Но тут настойчиво затренькал дверной звонок. Они цепко переглянулись.

— Что, открыть?

Вера кивнула и суетливо отложила на обувную полку и принесенную коробку, и конверт. Он послушно потянул на себя дверь, открыл и увидел стоящего на пороге высокого бородача в гавайке. Обе его руки были заняты сетками с арбузами. Мельком взглянул на гостя, потом на Веру, по-хозяйски шагнул в прихожую и протянул ей обе сетки. Заторопил.

— Давай, Верунчик, давай, они уже поднимаются!

Она как-то по-детски взвизгнула:

— Ой, а я же в халате еще!

— Ну так беги, одевайся!

Бородач снова посмотрел на непрошеного гостя, слегка потеснил его, стаскивая с себя кроссовки.

— А я, представляешь, Вер, их всех на лифте опередил.

Он негромко хохотнул и затопал вглубь квартиры. Вера, перехватив у него обе сетки, побежала следом.

Оставшись один, гость вышел. Захлопнул за собой дверь. Постоял в подъезде. Посмотрел вниз через лестничные пролеты. По винтовой лестнице двигалась гудящая, перекаत्याющаяся хохотом толпа. Он посторонился, пропуская их всех. Медленно начал спускаться.

Во дворе было гулко от детских голосов, дребезжания чьей-то посуды, звонящего телефона. Он сел на скамейку, откинулся назад и раскинул руки в разные стороны. Запрокинул голову, по-

пробовал угадать, где находятся Верины окна. И вдруг услышал, как откуда-то сверху затрещала, заухала музыка. Кто-то перева-лился через перила балкона, высунулся во двор, но его тут же ута-щили. И снова — музыка, хохот. Он посидел, будто размышляя о чем-то трудном. Потом резко встал и пошел обратно в подъезд. Рванул на себя дверь. Побежал вверх по лестнице. И уже там, на пятом этаже, остановился перед мокрым ковриком. Вдавил дро-жащей рукой кнопку дверного звонка. Прислушался, сдерживая дыхание. Там снова послышались шаги, но на этот раз другие. Щелкнул замок. Дверь открылась. На пороге стоял удивленный его возвращением бородач. В руке он держал большой кусок све-жеразрезанного, сочного арбуза. Гость, отодвинув его в темно-ту прихожей, сделал несколько решительных шагов в квартиру, схватил с обувной полки и конверт, и коробку, торопливо запихал все это в свой рюкзак и вышел.

Второй адрес был ему знаком. Правда, ехать туда пришлось сна-чала по вытянувшейся, как кишка, ветке метро, потом дожидаться автобуса от Выхино. Пятиэтажные шлакоблоки какой-то неведомой силой держались еще посреди пустыря, который — было уже очевидно — готовили под строительство. Сада с дикими яблоками и вишнями, который когда-то окружал заводские дома, уже не существовало. От скамеек возле подъездов остались только намертво врытые бетонные столбы и урны-пингвины. Он вошел в дом, и его сразу обдало запахом помоев, курева и кошачьей мочи. Перехватыва-вая на ходу шаткие, высохшие перила, он поднялся на третий этаж, неуверенно потоптался, сомневаясь еще в своей памяти, постоял на площадке между четырьмя замызганными дверьми и шагнул к самой дальней с номером 23. Сунул руку в рюкзак, проверил, на месте ли коробка и письмо. На месте. Позвонил в дверь. Тишина. Помешкал. Повторил. Может, звонок не работает? Поднял руку, сжал в кулак и вежливо постучал. Ответа не было. Подождал еще. Постучал сильнее. Опять тишина. Тогда решил постучать ногой. Хлипкую, фанерную дверь затрясло. Из глубины квартиры, разбу-женный, истошно заверещал грудной ребенок. Кто-то побежал из комнаты в комнату. Женщина горестно выдохнула:

— Господи! Да кто ж там опять?

И через минуту перед ним вырос здоровенный мужик в трусах.

— Тебе чего тут?

— Я от Вити.

Мужик сплюнул прямо ему под ноги.

— Тьфу, б..! Из оперы «Вас не ждали».

Гость нервно потер щеку. Начал заново.

— Елена Ивановна ведь тут проживает?

Мужик выпятил губу, смерил гостя тяжелым взглядом.

— А ты ей кто? Конь в пальто?

Гость торопливо замотал головой.

— Нет-нет, я же сказал, что от Вити!

Из глубины квартиры снова послышался женский голос — уже не такой отчаянный, как вначале, а более тихий. Наверное, успокоила ребенка.

— Гена, кто там, свои?

Гена отмахнулся крепкой, волосатой рукой. Снова уперся взглядом в гостя.

— Да слышал. Я не глухой. Только никакого Вити нам тут не надо. Понял?

— Что, простите?

— А чего мне тебя прощать? — Мужик начал заводиться. — Я тебя знать не знаю. И Витю твоего знать не хочу!

— Но ведь вы же Гена? Кажется, брат?

Гена раздул ноздри, перешагнул дверной проем и толкнул гостя круглым, мясистым животом.

— И что с того? Брат, не брат. Тебе-то что? Все, вагончик уехал, тью-тью. И ты катись следом. Понял?

Гость подвигал скулами, но промолчал. Подождал, пока Гена слышит. Тот отошел.

— А уроду этому скажи: пока он таскался черт знает где, я за матерью говно выносил. И похоронил ее тоже я.

— Похоронили? — не удержавшись, переспросил гость.

Гена сделал паузу, преодолевая неприязнь к собеседнику. В квартире опять заверещал грудной ребенок.

— Скажи этому говнюку: срок вступления в наследство прошел. Все, тью-тью. Квартира теперь моя. И только моя. Понял?

Полностью текст можно будет прочитать позднее на нашем сайте www.new-youth.ru в разделе "Архив".